

Императрица Елизавета Алексеевна жена Александра I

Елизавета Алексеевна оставалась в Таганроге до конца апреля 1826 года, потому что состояние ее здоровья исключало возможность переезда. Она выехала из Таганрога 22 апреля, и в Калуге должна была встретиться с идвоствующей императрицей Марией Федоровной, выехавшей ей навстречу. Но она успела доехать только до Белева. О последних ее днях сохранились подробные записки ее секретаря Н. М. Лонгинова, сопровождавшего императрицу в этом путешествии.

Долгая дорога, по-видимому, оказалась для нее непосильным испытанием. За день до смерти Елизаветы Алексеевны ее кортеж прибыл в Орел, и она пожелала тут же отправиться дальше, в Белев. "Ее Величество, на мой взгляд, выглядела очень плохо; на ней была шляпа с большими полями, и она старалась скрыть под ними свое лицо. Хотя в комнате был полумрак, но я все-таки заметил, что ее лицо горело, глаза ввалились и были тусклы; голос ее прерывался и был беззвучен, словно она охрипла. Баронесса Розен получила позволение стать в зале на ее проходе и стояла подле Валуевой. Государыня подошла к ней и, когда баронесса нагнулась, чтобы взять руку Ее Величества и поцеловать ее, императрица отняла руку и нагнулась, чтобы поцеловать ее. Это движение, вероятно, очень утомило государыню, при наклонах чувствовала сильную боль в желудке. К тому же императрица не любила, чтобы ей целовали руку даже тогда, когда она была здорова. Государыня была так слаба, что, отходя от баронессы, она шаталась.

Дойдя до половины зала, Ее Величество попросила подать ей мантилью. Лакей набросил ее на плечи государыни так ловко, что поправлять ее не было надобности, но государыня не двигалась с места, делая вид, что она оправляет вуаль и мантилью то с одной, то с другой стороны. Я прекрасно видел, что она делала это только для того, чтобы отдышаться. Сделав три-четыре шага и не будучи в состоянии идти дальше, она села в кресло, неподалеку от дверей, и, просидев минуты две, встала и пошла. Пройдя переднюю, она попросила князя Волконского дать ей руку, чтобы сойти с лестницы. Это было необычайно, так как ее величество спускалась всегда одна. На лестнице она снова была вынуждена остановиться, чтобы отдышаться, но не пожелала сесть в предложенное ей кресло. Отдохнув с минуту, она сошла с лестницы и села в карету. Поездка из Орла в Белев была не по ее силам, дальняя и трудная, тем более что дорога была испорчена дождем..."

Откуда брались силы у умирающей женщины не только выдерживать тяготы такого путешествия, но и пытаться сохранять то достоинство и независимость, которые ей всегда были свойственны? Но по приезде в Белев, вечером, она поняла, что не сможет продолжать путь, и велела известить об этом Марию Федоровну, ожидающую ее в Калуге, прося ее приехать в Белев. Поистине драматично описание Н. М. Лонгиновым ее последней трагедии, когда, пытаясь скрыть от присутствующих свое состояние, она совершила поистине героические усилия: "Я сидел за столом напротив ее величества. Говорить ей уже было трудно: она насилу дышала... За обедом она кушала только суп, но всякая ложка супа производила жесточайший кашель, и это так утомляло ее, что от этого одного у ней мог пропасть аппетит. ... Подали вареную рыбу. Ее величество долго дожда ее вилкой, пока ей удалось захватить и положить в рот кусочек величиной с горошину". Отправившись спать, Елизавета Алексеевна не разрешила никому ночевать в ее комнате, сослалась на то, что ей это может помешать. Она увидела всех, что у нее хватит сил позвонить, если понадобится какая-то помощь. Ночью она звонила несколько раз, прося то поправить подушки, потому что она могла спать только в полусидящем положении, то дать ей лекарство. В последний раз она вызвала к себе горничную в четыре часа утра, спросив, нет ли поблизости кого-нибудь из врачей. Но когда ей предложили приехать врача, она отказалась. Горничная, тем не менее, отправившись за врачом, и он явился через пятнадцать минут, но императрица уже спала вечным сном, и ему оставалось только констатировать смерть.

Она умерла в ночь с 3 на 4 мая 1826 года...